

БРЭМ СТОКЕР

ГОСТЬ ДРАКУЛЫ

РАССКАЗЫ

Брэм Стокер

Гость Дракулы. Рассказы

«АРДИС»

1903

Стокер Б.

Гость Дракулы. Рассказы / Б. Стокер — «АРДИС», 1903

В этой книге таится особая, почти осязаемая тьма – будто страницы пропитаны холодным ветром старых ирландских легенд и шёпотом забытых страхов. Здесь оживают тени, что прячутся в углах домов, в скрипе половиц и в отблесках далёких огней: каждый рассказ – ловушка для души, где привычное вдруг оборачивается зловещим, а случайная встреча грозит перевернуть всю жизнь. Особую притягательность сборнику придаёт «Гость Дракулы» – загадочный рассказ Брэма Стокера, который долгое время хранился в тени великого романа и был обнаружен уже после смерти автора: в нём будто проступает ранний, ещё более мрачный облик той самой легенды, что покорила мир. Погрузитесь в этот лабиринт ужаса и предчувствий – и будьте готовы к тому, что после финальных слов тишина в комнате станет чуть более зловещей, чем прежде.

© Стокер Б., 1903

© АРДИС, 1903

Содержание

Гость Дракулы	6
Дом судьи	14
Скво	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Брэм Стокер

Гость Дракулы

Рассказы

©&(P) Ардис, перевод, издание на русском языке.

Гость Дракулы

Когда мы пустились в путь, над Мюнхеном ярко сияло солнце, а воздух был напоен тем особенным ликованием, что знаменует начало лета. Перед самым отправлением герр Дельбрюк, метрдотель отеля «Катр-Сезон», где я остановился, вышел к экипажу с непокрытой головой. Пожелав мне приятной поездки, он задержал руку на дверце кареты и наставительно произнес, обращаясь к кучеру:

– Постарайся вернуться засветло. Небо чистое, но в северном ветре чувствуется холод – верная примета, что может внезапно разразиться буря. Впрочем, я уверен, вы не задержитесь.

Тут он улыбнулся и прибавил:

– Ведь ты знаешь, какая сегодня ночь.

Иоганн ответил с нарочитой значительностью:

– Да, господин.

Он коснулся поля шляпы и тотчас тронул лошадей.

Когда мы выехали из города, я жестом велел ему остановиться и спросил:

– Скажи-ка, Иоганн, что это за ночь сегодня?

Он перекрестился и коротко бросил:

– Вальпургиева ночь.

Затем он извлек свои часы – массивную серебряную «луковицу» размером едва ли не с репу, – взглянул на циферблат, нахмурился и с явным нетерпением пожал плечами. Я понял, что он безмолвно выражает недовольство столь досадной задержкой, и откинулся на сиденье, лишь дав знак ехать дальше. Он тотчас погнал лошадей быстрее, словно стремясь наверстать упущенные минуты.

Время от времени кони вскидывали головы и с подозрением втягивали воздух. В такие мгновения я и сам невольно оглядывался с безотчетной тревогой. Дорога была пустынна: мы ехали по высокому, продуваемому ветрами плато. И вот, пока мы двигались вперед, я заметил боковую тропу – малоезженую, уходившую вниз, в узкую извилистую долину. Она выглядела столь маняще, что я, даже рискуя вызвать досаду кучера, велел остановиться. Когда Иоганн натянул вожжи, я объявил, что хочу проехать именно туда.

Он принялся отговаривать меня на все лады, беспрестанно крестясь. Это лишь сильнее распалило мое любопытство. Я засыпал его вопросами, но он отвечал уклончиво и каждый раз с упреком поглядывал на часы. Наконец я сказал:

– Послушай, Иоганн, я намерен поехать по этой дороге. Я не требую, чтобы ты сопровождал меня против воли, но объясни, почему ты сам так не хочешь туда ехать? Вот и все, о чем я прошу.

В ответ он столь стремительно соскочил с козел, словно его выбросило какой-то силой. Умоляюще простерев ко мне руки, он стал заклинать меня отказаться от этой затеи. В его речи немецкие слова так перемешивались с английскими, что я понимал общий смысл лишь с огромным трудом. Казалось, он отчаянно хочет сообщить нечто важное – и сама эта мысль приводила его в ужас. Всякий раз он спохватывался, крестился и повторял одно:

– Вальпургиева ночь!

Я попытался было спорить, но трудно убедить человека, языка которого не знаешь. Преимущество явно оставалось за ним: хотя он и пытался говорить по-английски – на грубом и ломаном наречии, – при малейшем волнении он сбивался на родную речь, не забывая поминутно сверяться с часами.

Тут лошади снова заволновались, пригнувшись к ветру. Увидев это, Иоганн смертельно побледнел, тревожно огляделся и вдруг бросился вперед. Схватив коней под уздцы, он отвел их шагов на двадцать в сторону. Я последовал за ним и спросил о причине столь странного

маневра. Вместо ответа он перекрестился, указал на место, где мы только что стояли, провел рукой крест в сторону боковой дороги и произнес – сперва по-немецки, а затем по-английски:

– Там похоронен... тот, кто сам лишил себя жизни.

Я вспомнил старинный обычай хоронить самоубийц на перекрестках дорог.

– А! Понимаю, самоубийца. Как любопытно!

Но, признаться, я решительно не мог взять в толк, почему это так пугает животных.

Пока мы разговаривали, откуда-то издалека донесся странный звук – не то лай, не то протяжный визг. Он доносился издалека, но лошади пришли в совершенное неистовство, и Иоганну стоило немалых трудов их усмирить. Он был бледен как полотно и прошептал:

– Похоже... на волка. Но волков здесь давно не видели.

– Вот как? – переспросил я. – Разве не говорили, что совсем недавно они подходили к самому городу?

– Давно, очень давно, – отозвался он. – Весной и летом. Но в снежную пору волки забредали сюда и не так давно.

Пока он успокаивал лошадей, по небу быстро поплыли тяжелые тучи. Солнце скрылось, и нас коснулось ледяное дыхание ветра. Впрочем, это было лишь мимолетное предостережение, а не сама буря, ибо солнце тут же выглянуло вновь. Иоганн, прикрыв глаза ладонью, всмотрелся в горизонт и произнес:

– Снежная буря... она скоро будет здесь.

Затем он снова посмотрел на часы и, крепче перехватив вожжи – лошади всё еще били копытами и беспокойно мотали головами, – взобрался на козлы, всем видом показывая, что время ехать дальше.

Но во мне проснулось упрямство.

– Скажи, – спросил я, указывая в сторону долины, – что это за место там, внизу? Куда ведет эта тропа?

Он снова перекрестился и, пробормотав молитву, ответил:

– Нечистое место.

– Что именно там нечисто? – не отступал я.

– Деревня.

– Так там есть деревня?

– Нет, нет. Уже сотни лет там никто не живет.

Любопытство мое окончательно разгорелось.

– Но ты сам сказал, что там была деревня.

– Была.

– А что же с ней стало?

Тогда он пустился в долгий рассказ на путаной смеси языков. Я не мог разобрать всех деталей, но суть уловил: много веков назад люди там начали умирать, а после их погребения из-под земли стали доноситься жуткие звуки. Когда же могилы вскрыли, тела мужчин и женщин оказались розовыми и свежими, словно у живых, а губы их алели от крови. Желая спастись, жители бежали прочь – туда, где живые были живыми, а мертвые – мертвыми, а не... чем-то иным.

Последних слов он явно страшился. Чем дальше он повествовал, тем сильнее возбуждался. Казалось, собственная фантазия целиком завладела им. В конце его охватил настоящий приступ ужаса: лицо побелело, на лбу выступила испарина, он дрожал и озибался так, словно ожидал увидеть среди яркого света на этой пустынной равнине некое кошмарное присутствие. В порыве отчаяния он вскрикнул:

– Вальпургиева ночь! – и указал на карету, требуя, чтобы я сел.

Тут во мне заговорила английская кровь. Я отступил на шаг и отчеканил:

– Ты боишься, Иоганн, ты просто трусишь. Поезжай домой. Я вернусь один – прогулка пойдет мне на пользу.

Дверца экипажа оставалась распахнутой. Я взял с сиденья свою дубовую трость, которую всегда брал в торжественные выезды, захлопнул дверцу и указал назад, в сторону города:

– Возвращайся, Иоганн. Вальпургиева ночь – не преграда для англичанина.

Лошади теперь выказывали еще большее беспокойство, а Иоганн из последних сил старался их удержать, горячо заклиная меня не совершать подобного безумства. Мне было искренне жаль беднягу – настолько непритворным был его страх, – и все же я не мог сдерживать улыбки. К этому времени он почти совсем перестал говорить по-английски. Охваченный тревогой, он позабыл, что мой родной язык – единственная нить, связывавшая нас, и теперь возбужденно тараторил по-немецки. В конце концов, это стало утомительным. Вновь указав ему направление – к городу, – я развернулся и зашагал по боковой дороге в глубь долины.

Иоганн в отчаянии взмахнул рукой и направил экипаж обратно к Мюнхену. Опершись на трость, я провожал его взглядом. Некоторое время карета медленно двигалась по дороге; но вдруг из-за гребня холма показался какой-то человек – высокий и худощавый. На таком расстоянии я не мог разглядеть ничего более. Стоило ему приблизиться к лошадям, как те в ужасе шарахнулись, принялись брыкаться и пронзительно заржали. Иоганн не сумел сдержать их: обезумев от страха, кони понесли вскачь. Я смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду, а когда вновь искал глазами незнакомца, тот уже исчез.

С легким сердцем я свернул на ту самую боковую дорогу, уводившую в сумрачную долину, против которой так возражал Иоганн. На мой взгляд, для его опасений не было ни малейших причин; полагаю, я прошагал часа два, не считая ни миль, ни минут и, разумеется, не встретив по пути ни единой живой души, ни единого крова. Край этот пребывал в полнейшем запустении. Впрочем, осознал я это не сразу, лишь когда дорога обогнула поворот и я наткнулся на редкую кромку леса, ко мне пришло понимание, что все это время я шел сквозь какую-то безотчетную, гнетущую пустоту.

Я присел отдохнуть и огляделся. Мне показалось, что стало значительно холоднее, чем в начале пути; в воздухе словно разливался тихий вздох, а порой высоко над головой слышался приглушенный рокот. Подняв глаза, я увидел, как по небу с севера на юг стремительно несутся огромные, плотные тучи. В вышине явно назревала буря. Я почувствовал озноб и, решив, что это лишь следствие остановки после быстрой ходьбы, вновь двинулся в путь.

Местность становилась все более живописной. Ничто в ней не поражало воображения по отдельности, но все вместе было исполнено тихой прелести. Я мало думал о времени и превратностях погоды, пока сгустившиеся сумерки сами не напомнили о себе. Тогда я начал прикидывать, как буду возвращаться. Дневной свет угас; воздух ледянел, а бег туч в вышине делался все стремительнее. Их сопровождал далекий шум, подобный гулу горного потока, сквозь который время от времени прорывался некий таинственный крик, что я поначалу принял за волчий вой. На мгновение я заколебался, но, вспомнив свое обещание непременно увидеть брошенную деревню, продолжил путь. Вскоре передо мной открылась широкая равнина, со всех сторон окруженная холмами. Их склоны поросли лесом, который спускался к самой низине, сгущаясь в рощи в ложбинах и на пологих откосах. Взглянув на изгиб дороги, я увидел, что она упирается в одну из таких густых чащ и исчезает в ней.

Внезапно по воздуху пробежала холодная дрожь, и пошел снег. Вспомнив о милях пустынной земли, оставшихся позади, я поспешил вперед, надеясь найти укрытие в лесу. Небо темнело на глазах, снег валил всё гуще и тяжелее, пока всё вокруг не укрылось сверкающим белым саваном, края которого терялись в мутной мгле. Дорога здесь была скверная, едва различимая, и на открытых местах ее границы угадывались с трудом; вскоре я понял, что сбился с пути: под ногами исчезла твердая колея, и я стал вязнуть во мху и жухлой траве. Ветер крепчал, налетая с яростной силой, так что мне приходилось почти бежать, сопротивляясь его порывам.

Воздух стал ледяным, и, несмотря на движение, я начал замерзать. Снежные хлопья кружились в неистовом танце, я едва мог открыть глаза. Изредка небо раскалывали ослепительные молнии, и в их вспышках я видел впереди темную массу деревьев – по преимуществу тисов и кипарисов, – стоявших в лощине среди снегов.

Вскоре я уже был под сенью деревьев, где в относительной тишине слышал лишь стон ветра в вершинах. Мало-помалу чернота бури слилась с ночным мраком. Непогода, казалось, начала стихать: налетали лишь редкие яростные шквалы. И в эти мгновения странный волчий вой подхватывался множеством голосов, доносившихся со всех сторон. Порой сквозь плотную завесу бегущих облаков пробивался случайный луч луны; он озарял окрестности, и я видел, что стою на опушке густой тисовой и кипарисовой рощи. Снегопад прекратился, и я вышел из-под защиты ветвей, чтобы осмотреться. Мне пришло в голову, что среди руин, мимо которых я проходил, мог сохраниться хоть какой-то дом, способный дать временный приют. Обходя рощу, я обнаружил низкую стену и вскоре наткнулся на пролом в ней. Здесь кипарисы выстроились в аллею, ведущую к некоему квадратному строению. Но едва я это заметил, как луна вновь скрылась за тучами, и я побрел вперед почти на ощупь. Ветер, должно быть, стал еще холоднее, ибо меня била дрожь; тем не менее я упорно шел, надеясь на кров.

Я замер: внезапно воцарилась абсолютная тишина. Буря утихла; казалось, в лад с безмолвием природы успокоилось и мое сердце. Но это длилось лишь краткий миг: внезапно лунный свет пронзил тучи и залил место, где я стоял. Я обнаружил, что нахожусь на старом кладбище, а квадратное строение передо мной – не что иное, как величественная гробница из белого мрамора, окруженная не менее белым ковром снега. И в то же мгновение, вместе с лунным сиянием, вновь налетел неистовый порыв ветра, сопровождаемый долгим, надрывным воем, похожим на стон целой своры собак или волков. Оцепенение и страх сковали меня; холод пробирал до костей, и казалось, сама смерть сжимает меня в своих объятиях. Но стоило луне вновь осветить мрамор мавзолея, как буря затихла, словно отпрянув назад. Одолеваемый странным любопытством, я приблизился к усыпальнице, желая понять, чье это пристанище в столь диком месте. Обойдя ее, я прочел над глубоким дорическим порталом надпись на немецком:

ГРАФИНЯ ДОЛИНГЕН ИЗ ГРАЦА, В ШТИРИИ,
ИСКАЛА И ОБРЕЛА СМЕРТЬ.
1801.

В вершину гробницы, словно пронзая монолитный мрамор – хотя мавзолей и был сложен из массивных блоков, – был вбит огромный железный штырь. На тыльной стороне я увидел высеченные кириллицей крупными буквами слова: «Мертвые скачут быстро». Во всем этом было нечто столь зловещее, что силы оставили меня; впервые я горько пожалел, что не внял предостережениям Иоганна. И тут меня поразила мысль, явившаяся почти сверхъестественным образом и повергшая меня в неописуемый ужас. Вальпургиева ночь! Да, именно она – ночь, когда, по преданиям, сам дьявол обретает власть; когда разверзаются могилы и мертвецы покидают свой прах; когда всё сущее зло на земле, в воде и в воздухе правит свой безумный шабаш. Вот чего так страшился кучер! Это и есть та самая деревня, заброшенная века назад. Здесь я остался один – среди безмолвия и ледяного снега, в то время как над головой вновь собирается ярость стихии. Теперь ни разум, ни вера, ни хваленое мужество не могли мне помочь: я оказался на самом краю безумного, первобытного ужаса.

И как нарочно, в это самое мгновение разразился неистовый ураган. Земля содрогнулась так, словно по ней пронеслась тысяча всадников; с небес обрушился уже не снег, а тяжелый град, летевший с такой яростью, будто его метали из пращей балеарские воины. Ледяные снаряды с такой силой секли ветви и листья, что сень кипарисов оказалась не надежнее созревшей нивы. Я бросился было к ближайшему дереву, но тотчас осознал, что под ним не найти спасения, и устремился к единственному доступному убежищу – глубокому дорическому пор-

талу мраморной гробницы. Прижавшись к массивной бронзовой двери, я обрел относительную защиту; град теперь лишь с сухим стуком отскакивал от земли и стен мавзолея. Но когда я всем телом навалился на дверь, она слегка подалась и приоткрылась внутрь. Искушение укрыться от беспощадной стихии было слишком велико, и я уже готов был переступить порог, как вдруг небосвод расколола багровая вспышка молнии.

И в это мгновение – клянусь, я видел это ясно, как вижу самого себя, – во тьме гробницы мне открылась прекрасная женщина с цветущими щеками и алыми губами, лежавшая на смертном ложе в безмятежности сна. Но едва прогремел гром, как чья-то исполинская рука схватила меня и швырнула обратно в бушующую стихию. Всё произошло столь внезапно, что, невзирая на потрясение и физическую боль, я не успел осмыслить случившееся; я лишь чувствовал, как град вновь нещадно сечет кожу. И в тот же миг мне почудилось, будто я более не один. Я взглянул на гробницу. Ослепительный разряд ударил прямо в железный штырь, венчавший мавзолей, и огненным потоком низвергся сквозь него в землю, дробя мрамор, словно от мощного взрыва. Мертвая женщина на краткий миг приподнялась в предсмертной агонии, и ее душераздирающий вопль потонул в раскатах грома. Это было последнее, что я слышал – ее ужасный крик, слившийся с ревом бури. Затем та же гигантская рука вновь вцепилась в меня и куда-то повлекла сквозь завывание ветра и волчий вой. Последним, что успел заметить мой гаснущий взор, было смутное белесое движение – точно из всех окрестных могил восстали тени и сомкнулись надо мной в непроглядной мгле метели.

Постепенно сознание начало возвращаться, а вместе с ним пришло изнуряющее чувство усталости. Какое-то время память оставалась пустой, но чувства медленно просыпались. Ноги мои казались разбитыми и совершенно онемевшими; я не мог пошевелить ими. То же ощущение пустоты разлилось в спине, вдоль позвоночника, а уши и ступни, хоть и были лишены чувствительности, отзывались тупой мучительной болью. Зато в груди я ощущал тепло, которое на фоне общего холода казалось истинным блаженством. Это было похоже на затянувшийся кошмар, если только можно назвать кошмаром нечто столь плотское: какая-то невероятная тяжесть давила мне на грудь, мешая дышать.

Это полубессознательное состояние длилось вечность; оно напоминало глубокий обморок, но было куда тяжелее. Затем подступила тошнота, как при первых признаках морской болезни, и дикое, безотчетное желание избавиться от чего-то гнетущего. Вокруг царило безмолвие, будто весь мир уснул или почил навеки; лишь совсем рядом слышалось мерное, тяжелое дыхание какого-то зверя. Я почувствовал у самого горла теплое шершавое прикосновение, и тут же до меня дошла ужасающая правда, от которой кровь застыла в жилах: на мне лежал огромный зверь и лизал мне горло. Инстинкт самосохранения велел мне не шевелиться. Но зверь, очевидно, уловил малейшее изменение в моем состоянии и поднял голову. Сквозь ресницы я увидел над собой два пылающих глаза исполинского волка. Его острые клыки сверкали в разверстой алой пасти, и я кожей ощущал его горячее, зловонное дыхание.

На какое-то время я вновь провалился в небытие. Затем до слуха донесся протяжный волчий вой, а следом – повторяющийся лай. Словно издалека донеслись крики:

– Эге-гей! Сюда! – множество голосов зывало в унисон.

Осторожно приподняв голову, я попытался разглядеть спасителей, но кладбищенские строения закрывали обзор. Волк продолжал выть на свой странный лад, и багровое зарево факелов задвигалось вокруг кипарисовой рощи, словно следуя за этим звуком. Чем ближе были голоса, тем чаще и яростнее выл зверь. Я замер, боясь выдать себя движением. Красное пламя приближалось; оно перемахнуло через белую стену некрополя и наконец, оказалось совсем рядом. Внезапно из-за деревьев вылетел отряд всадников. Волк сорвался с моей груди и исчез в тени, а вместе с ним ушло и мое оцепенение. Я увидел одного из всадников – судя по выправке и оружию, солдата, – который вскинул карабин. Другой офицер подскочил к нему и ударил по стволу; пуля со свистом пронеслась над моей головой. Очевидно, в сумерках он принял мое

тело за тушу зверя. Другой солдат выстрелил вслед волку, когда тот, пригнувшись, скользнул в чашу, но, видимо, промахнулся. Весь отряд галопом устремился вперед: одни окружили меня, другие бросились в погоню за зверем, скрывшимся среди заснеженных кипарисов.

Когда всадники спешили, я попытался заговорить, но не смог издать ни звука, хотя ясно видел и слышал всё происходящее. Несколько солдат опустились возле меня на колени. Один приподнял мою голову и приложил руку к груди.

– Добрая весть, товарищи! – воскликнул он. – Сердце еще бьется!

Мне влили в рот немного бренди; живительная влага вернула мне силы, и я смог полностью открыть глаза. Между деревьями метались причудливые тени, слышались тревожные переключки. Люди сбивались в кучи, выкрикивая что-то в испуге; огни факелов метались, пока остальные солдаты в беспорядке покидали кладбище. Когда те, кто был поодаль, приблизились, мои спасители жадно спросили:

– Ну что, нашли его?

В ответ раздалось торопливое:

– Нет! Нет! Уходим отсюда, скорее! В такую ночь здесь оставаться нельзя!

– Что же это было? – посыпались вопросы.

Ответы звучали сбивчиво, в них сквозила потребность высказаться и одновременно суеверный страх говорить о таких вещах.

– Это... это и впрямь было оно! – пролепетал один, чье лицо было искажено ужасом.

– Волк... и всё же не совсем волк! – дрожащим голосом добавил второй.

– Без освященной пули тут и пробовать нечего, – заметил третий уже более твердо.

– Поделом нам, что выехали в такую темень! Не зря же за это обещали тысячу марок! – воскликнул четвертый.

– На разбитом мраморе была кровь, – после недолгого молчания произнес еще один. – Молния не оставляет таких следов. А парень – он как, цел? Взгляните на его горло! Видите, друзья: волк лежал на нем, согревая его кровь своим теплом.

Офицер осмотрел мою шею и заключил:

– Всё в порядке, кожа не тронута. Что всё это значит? Мы бы ни за что не отыскиали его, если бы не вой этого зверя.

– А куда он делся? – спросил тот, кто поддерживал мою голову. Он казался самым спокойным в этой суматохе: его руки были тверды. На рукаве его мундира я заметил нашивки унтер-офицера.

– Он ушел к себе, – отозвался другой, человек с вытянутым, мертвенно-бледным лицом, который, не переставая, дрожал от страха и затравленно озирался по сторонам. – Могил кругом в достатке – будет где приклонить голову. Идемте же, друзья, скорее! Прочь отсюда, из этого проклятого места!

Офицер помог мне подняться и усадил, одновременно отдавая короткие команды. Несколько солдат подхватили меня и помогли взобраться на коня. Офицер вскочил в седло позади меня, крепко обхватил руками и скомандовал выступать. Оставив позади мрачные кипарисы, мы четким походным строем помчались прочь.

Дар речи еще не вернулся ко мне, и я поневоле хранил молчание. Должно быть, я впал в забытие, ибо следующее, что я помню, – это как я стою на ногах, поддерживаемый с обеих сторон солдатами. Почти совсем рассвело; на севере алая полоса зари пролегла по снежной пустыне, подобно кровавому следу. Офицер строго наказывал подчиненным не распространяться о том, что они видели, и говорить лишь, что нашли английского путешественника, которого охранял крупный пес.

– Пес! Это был вовсе не пес, – вмешался тот самый человек, что прежде выказывал такой ужас. – Уж волка-то я отличу, когда вижу его перед собой.

Молодой офицер холодно ответил:

– Я сказал: это был пес.

– Пес! – с горькой иронией повторил тот. Было заметно, что с восходом солнца к нему возвращается былая храбрость. Указывая на меня, он добавил: – Взгляните на его горло. Разве это след собачьих зубов, господин офицер?

Невольно я поднес руку к шее и, едва коснувшись кожи, вскрикнул от пронзительной боли. Солдаты столпились вокруг, некоторые даже перегибались из седел, чтобы рассмотреть рану. И вновь раздался спокойный, не терпящий возражений голос офицера:

– Это был пес, как я и сказал. Стоит нам заикнуться о чем-то ином – и нас поднимут на смех.

После этого меня устроили на лошади позади одного из кавалеристов, и мы направились к окраинам Мюнхена. Там нам повстречался пустой экипаж; меня пересадили в него и доставили в «Катр-Сезон». Молодой офицер сопровождал меня до самого порога, один солдат вел его коня следом, а остальные направились к своим казармам.

Когда мы подъехали, герр Дельбрюк бросился мне навстречу так стремительно, что стало ясно: он всё это время поджидал у входа. Поддерживая меня под руки, он с величайшим участием ввел меня в холл. Офицер отдал честь и уже собирался откланяться, но я, разгадав его намерение, настоял, чтобы он поднялся в мои покои. За бокалом вина я горячо поблагодарил его и его доблестных товарищей за мое спасение.

Он просто ответил, что рад был оказаться полезным, и добавил, что герр Дельбрюк с самого начала позаботился о том, чтобы поисковый отряд остался доволен наградой. При этих словах, исполненных скрытого смысла, метрдотель тонко улыбнулся, а офицер, сославшись на служебные дела, удалился.

– Но, герр Дельбрюк, – спросил я, – как и почему солдаты отправились на мои поиски?

Он пожал плечами, словно умаляя собственную заслугу, и ответил:

– Мне выпала удача испросить дозволения у командира полка, в котором я когда-то служил, призвать добровольцев.

– Но как вы узнали, что я в беде? – не отступал я.

– Ваш кучер вернулся в город с обломками экипажа – карета перевернулась, когда лошади понесли.

– Но неужели вы решились бы отправить целый военный отряд лишь по этой причине?

– О, нет, – признался он. – Еще до возвращения Иоганна я получил вот эту депешу от господина, чьим гостем вы являетесь.

Достав из кармана телеграмму, он подал ее мне. Я прочел:

Бистриц.

Берегите моего гостя – его безопасность для меня драгоценнее всего.

Если с ним что-либо случится или он пропадет, не жалейте никаких средств, чтобы разыскать его и обеспечить ему защиту. Он англичанин, а потому склонен к авантюрам. Помните, что в снегах, в клыках волков и в самой ночи часто таятся опасности. Не теряйте ни мгновения, если заподозрите неладное. За ваше усердие ручаюсь всем своим состоянием.

Дракула.

Пока я держал листок в руках, мне показалось, что комната поплыла у меня перед глазами. Если бы внимательный метрдотель не подхватил меня, я бы наверняка лишился чувств. Во всем случившемся было нечто столь непостижимое, жуткое и странное, что мною овладело чувство, будто я стал всего лишь безвольной игрушкой в руках неведомых противоборствующих сил. Сама мысль об этом действовала парализующе. Несомненно, надо мной тяготело чье-то таинственное и властное покровительство.

Из далекой, неведомой страны, в самый роковой миг пришло послание, вырвавшее меня из смертных объятий снега и волчьих клыков.

Дом судьи

С приближением экзаменов Малкольм Малкольмсон решил, что готовиться к ним лучше в полном уединении. Морского побережья он опасался из-за обилия соблазнов, а совершенной деревенской глуши – из-за ее пасторальных прелестей, которые были ему слишком хорошо знакомы; поэтому он задумал отыскать какой-нибудь непритязательный городок, где ничто не отвлекало бы его от трудов. Он не стал спрашивать совета у друзей: каждый из них, рассуждал он, непременно назовет место, которое знает сам и где у него есть знакомства. А Малкольмсон хотел избежать встреч с приятелями и вовсе не желал обременять себя вниманием их близких, а потому решил подыскать себе пристанище самостоятельно. Он уложил в саквояж немного одежды и все необходимые книги, а затем взял билет до первой же станции в расписании, название которой ему ни о чем не говорило.

Когда по истечении трехчасовой поездки он сошел на перрон в Бенчерче, его охватило чувство удовлетворения: следы были настолько надежно замечены, что можно было рассчитывать на спокойную возможность предаться занятиям. Он сразу отправился в единственную гостиницу, которую мог предложить этот сонный городок, и остался там на ночь. Бенчерч был рыночным местечком и раз в три недели бывал переполнен до крайности, зато в остальные дни напоминал безжизненную пустыню. На следующее утро Малкольмсон отправился искать жилье еще более уединенное, чем могла дать даже столь тихая гостиница, как «Добрый путник». Нашлось лишь одно место, которое пришлось ему по душе, и оно в полной мере отвечало его самым смелым представлениям о тишине; в сущности, тишина здесь была не самым верным словом – точнее всего это состояние определяло запустение.

Это был старый, разросшийся вширь дом тяжелой якобианской постройки, с массивными фронтонами и окнами, непривычно маленькими и расположенными выше, чем было принято в таких зданиях; окружала его высокая, добротнo сложенная кирпичная стена. При ближайшем рассмотрении дом походил скорее на небольшое укрепление, чем на обыкновенное жилище. Но всё это Малкольмсону нравилось. «Вот именно то место, которое я искал, – подумал он, – и если только удастся здесь устроиться, я буду вполне счастлив». Радость его возросла еще больше, когда он окончательно убедился, что в доме сейчас никто не живет.

На почте ему дали имя местного поверенного, которого просьба снять часть старого дома, по-видимому, немало позабавила. Мистер Карнфорд, стряпчий и агент по недвижимости, оказался приветливым пожилым джентльменом и откровенно признался, как он рад, что нашелся хоть кто-то, согласный там поселиться.

– По правде говоря, – сказал он, – я от имени владельцев с величайшим удовольствием сдал бы этот дом кому угодно вовсе без платы хоть на несколько лет – лишь бы люди привыкли видеть его обитаемым. Он пустует так давно, что вокруг него успело вырасти какое-то нелепое предубеждение; а развеять его можно только одним способом – занять дом. Тем более, – прибавил он, лукаво взглянув на Малкольмсона, – если это будет ученый молодой человек вроде вас, которому на время нужно полное спокойствие.

Малкольмсон счел излишним расспрашивать агента о природе этого «нелепого предубеждения»: он понимал, что если сведения ему понадобятся, получить их будет гораздо легче в другом месте. Он внес плату за три месяца, получил расписку и имя старой женщины, которая, вероятно, согласится присматривать за хозяйством, и ушел, положив ключи в карман. Затем он заглянул к хозяйке гостиницы – веселой и чрезвычайно доброй женщине – и спросил ее совета насчет припасов и провизии, которые могли бы ему потребоваться. Когда он упомянул, где именно намерен поселиться, она в изумлении всплеснула руками.

– Не в Доме судьи? – воскликнула она и, произнеся это, заметно побледнела.

Он пояснил, где находится здание, прибавив, что его названия не знает. Дослушав, она ответила:

– Ну да, конечно, именно это место! Это и есть Дом судьи, точно, он самый.

Он попросил рассказать, почему дом так называется и что в нем не так. Она объяснила, что местные называют его так потому, что много лет назад – сколько именно, она сказать не могла, так как сама была родом из другой части страны, но, должно быть, лет сто назад, а то и больше, – здесь жил судья, которого смертельно боялись за суровые приговоры и особенную беспощадность к подсудимым на выездных сессиях. Что же касается самого дома и того, какие с ним связаны беды – этого она сказать не могла. Она и сама не раз спрашивала, но никто не умел ответить внятно; однако у всех было общее чувство, будто в доме таится нечто дурное, и лично она не осталась бы там одна и часа, даже если бы ей предложили все деньги, что хранятся в банке Дринкуотера. Тут она стала извиняться перед Малкольмсоном за свои пугающие речи.

– Право же, сэр, это совсем не дело, – продолжала она. – Вы такой молодой господин... простите мне мою вольность... и собираетесь жить там в полном одиночестве! Будь вы моим сыном – и вы уж простите мне эти слова – вы бы там не провели и одной ночи, даже если бы мне самой пришлось отправиться туда и изо всех сил зазвонить в тот большой колокол, что висит на крыше!

Добрая женщина была столь искренна в своем беспокойстве и столь доброжелательна, что Малкольмсон, хоть и нашел ее страхи забавными, был тронут. Он ласково поблагодарил ее за участие и добавил:

– Но, дорогая миссис Уитэм, поверьте, вам совершенно не о чем тревожиться. Человеку, который готовится к математическому трайпосу, приходится размышлять о столь сложных вещах, что его вряд ли смутят какие-то призрачные «нечто». Моя работа слишком точна и приземлена, чтобы в уме оставался хоть уголок для мистических загадок. Гармонические прогрессии, размещения и сочетания, эллиптические функции – вот где для меня сокрыто довольно тайн!

Миссис Уитэм добродушно пообещала исполнить все его поручения, а сам он отправился на поиски старухи, которую ему рекомендовали для ведения хозяйства. Когда спустя пару часов он вернулся с ней в Дом судьи, то обнаружил, что миссис Уитэм уже ждет его там в сопровождении нескольких мужчин и мальчишек со свертками. Тут же был и работник от обойщика, доставивший на тележке кровать: хозяйка заявила, что столы и стулья – это еще полбеды, но ложиться молодому человеку на постель, которую не проветривали лет пятьдесят, совершенно невозможно. Ей и самой явно было любопытно заглянуть внутрь; и хотя она столь заметно боялась неведомых сил, что при малейшем шорохе вцеплялась в руку Малкольмсона и не отходила от него ни на шаг, она всё же методично осмотрела весь дом до последнего угла.

Завершив осмотр, Малкольмсон решил обосноваться в большой столовой: она была достаточно просторной, чтобы заменить ему и кабинет, и спальню. Миссис Уитэм вместе с уборщицей, миссис Демпстер, тут же принялись за обустройство. Когда корзины распаковали, Малкольмсон увидел, что заботливая хозяйка прислала со своей кухни запас еды на несколько дней. Перед уходом она пожелала ему всяческих благ, но на пороге обернулась и добавила:

– Знаете, сэр, раз комната такая огромная и в ней гуляют сквозняки, может, стоит на ночь обнести вашу кровать одной из этих высоких ширм? Хотя, признаться, я бы сама умерла со страху, если бы меня заперли там с этими... существами, которые могут высунуть голову из-за края или сверху и уставиться на меня!

Образ, который она сама же вызвала в воображении, оказался слишком тяжким для ее нервов, и она поспешно удалилась. Едва хозяйка скрылась, миссис Демпстер фыркнула с чувством явного превосходства и заметила, что лично она не боится никаких привидений во всем королевстве.

– Я вам вот что скажу, сэр, – провозгласила она. – Привидения – это что угодно, только не призраки! Это крысы, да мыши, да жуки; это скрипучие петли, да плохо закрепленная черепица, да треснувшие стекла, да ящики, что днем выдвинешь, а ночью они сами с грохотом захлопываются. Вы только посмотрите на эти дубовые панели! Им сотни лет! Неужели вы думаете, что там не кишат крысы и древоточцы? И неужели воображаете, что вам не придется их видеть? Крысы – вот кто такие привидения, говорю я вам, а привидения – это крысы; и нечего тут голову забивать!

– Миссис Демпстер, – серьезно произнес Малкольмсон, отвесив ей вежливый поклон, – вы смыслите в жизни больше иного великого математика. Позвольте добавить, что в знак глубочайшего уважения к вашей рассудительности я, когда придет время уезжать, передам вам этот дом во владение и оставлю вас здесь одну на оставшиеся два месяца моей аренды: мне и четырех недель будет предостаточно.

– Благодарствую, сэр, – ответила она, – да только я ни единой ночи не могу провести вне своего дома. Я состою на иждивении благотворительного фонда Гринхоу, и если переночую хоть раз в другом месте, то лишусь пособия. Правила там суровые, а желающих занять мое место слишком много, чтобы я могла так рисковать. А не будь этого, сэр, я бы с радостью перебралась сюда и прислуживала вам всё время.

– Добрая вы женщина, – поспешно вставил Малкольмсон, – я ведь нарочно приехал сюда ради уединения. Поверьте, я глубоко признателен покойному Гринхоу за то, что он составил устав своего превосходного фонда именно так: теперь я избавлен от любого искушения нарушить свой затвор! Сам святой Антоний не был бы строже в этом вопросе.

Старуха хрипло рассмеялась.

– Эх, молодые господа, – сказала она, – понапрасну вы ничего не боитесь. Глядишь, здесь вы и обретете то самое одиночество, которого ищете.

Она принялась за уборку. К ночи, когда Малкольмсон вернулся с прогулки – он всегда брал с собой книгу и занимался на ходу, – комната была выметен и прибрана. В старом очаге весело полыхал огонь, лампа горела ровным светом, а на столе ждал ужин, собранный заботливой миссис Уитэм.

– Вот это я называю уютом, – пробормотал он, потирая руки от удовольствия.

Пожинав и отодвинув поднос на край массивного дубового стола, он вновь разложил книги, подбросил дров в камин, поправил фитиль лампы и погрузился в работу. Без перерыва он занимался часов до одиннадцати, после чего сделал паузу, чтобы привести в порядок огонь и заварить чай. К чаю он питал особую слабость; еще в колледже он привык засиживаться над учебниками за полночь и вознаграждать себя чашкой горячего напитка. Этот краткий отдых был для него истинной роскошью, которой он предавался почти с упоением. Оживший огонь в камине затрещал, бросая причудливые, пляшущие тени на стены старинного зала. Прихлебывая чай, юноша наслаждался чувством полной отрешенности от мира. И вот тогда он впервые обратил внимание на то, какой шум поднимают крысы.

«Неужели они возились здесь всё время, пока я читал? – подумал он. – Будь это так, я бы наверняка заметил». Спустя минуту, когда возня усилилась, он понял, что это явление и впрямь началось недавно. По всей видимости, поначалу крыс спугнули появление человека, свет лампы и жар камина, но теперь они осмелели и принялись резвиться по своему обыкновению.

Насколько же деятельны они были! По всему дому разносились странные, необъяснимые звуки. За старинной дубовой обшивкой, под потолком и в подполье – всюду кипела жизнь: крысы сновали взад-вперед, грызли, скреблись и копошились. Малкольмсон невольно улыбнулся, вспомнив слова миссис Демпстер: «Привидения – это крысы, а крысы – это привидения». Чай уже начал оказывать свое бодрящее действие на его ум и нервы; он с радостным

предвкушением ждал долгих часов работы до самого рассвета и, пребывая в ощущении полной безопасности, позволил себе роскошь внимательно осмотреть комнату.

Взяв лампу, он обошел свое жилище, не переставая дивиться тому, что столь примечательный старый дом мог так долго оставаться в запустении. Дубовая резьба на стеновых панелях была великолепна; отделка дверных и оконных проемов поражала изяществом и тонкостью работы. На стенах висели старинные полотна, однако они были погребены под столь плотным слоем пыли и копоти, что даже при свете поднятой над головой лампы разглядеть детали было невозможно. То и дело, обходя комнату, Малкольмсон замечал в щелях или отверстиях крысиные мордочки: яркие бусинки глаз вспыхивали в лучах света и тут же исчезали под аккомпанемент испуганного писка и шороха.

Больше всего его внимание, впрочем, привлекла толстая веревка сигнального колокола, установленного на крыше; она свисала в углу комнаты, по правую руку от камина. Пододвинув к очагу тяжелое резное кресло с высокой спинкой, он присел, чтобы допить последнюю чашку чая. Затем, поправив огонь, он вернулся к занятиям, устроившись за углом стола так, чтобы камин оставался слева. Какое-то время крысы донимали его своим беспрестанным топотом, но вскоре он привык к этому шуму, как привыкают к тиканью часов или монотонному гулу воды, и настолько погрузился в вычисления, что весь мир, кроме задачи, которую он пытался решить, перестал для него существовать.

Внезапно он поднял голову. Задача всё еще не поддавалась, а в воздухе уже разлилась та гнетущая предрассветная атмосфера, которая столь тягостна для всякого живого существа. Шум крыс внезапно прекратился. Вернее, Малкольмсону показалось, что он смолк совсем недавно, и именно эта внезапно воцарившаяся тишина вывела его из состояния сосредоточенности. Огонь в очаге почти угас, но угли еще отбрасывали густое багровое сияние. И тут, взглянув прямо перед собой, он невольно вздрогнул, несмотря на всю свою выдержку.

В большом старом кресле, справа от камина, восседала исполинская крыса и, не мигая, смотрела на него злобными, пронзительными глазами. Он сделал резкое движение, желая ее спугнуть, но тварь даже не шелохнулась. Тогда он замахнулся, делая вид, будто собирается чем-то в нее бросить. Она и на этот раз осталась на месте, лишь сердито оскалила длинные белые зубы, а ее жестокие глаза блеснули в свете лампы еще мстительнее.

Измученный такой наглостью, Малкольмсон схватил кочергу и бросился к креслу, намереваясь пришибить незваную гостью. Но прежде чем он успел нанести удар, крыса с писком, в котором, казалось, сгустилась сама ненависть, прыгнула на пол. В мгновение ока она взбежала по веревке сигнального колокола и скрылась в тени над зеленым абажуром лампы. И в ту же секунду – странное дело – за дубовой обшивкой вновь поднялась неистовая крысиная суета.

Теперь мысли Малкольмсона окончательно ушли от математики. Когда же снаружи пронзительно пропел петух, возвещая близость утра, он задул лампу и лег спать.

Спал он так крепко, что не услышал, как пришла миссис Демпстер. Только когда она привела комнату в порядок, приготовила завтрак и постучала по ширме, заслонявшей его постель, он открыл глаза. После ночных бдений он всё еще чувствовал усталость, но крепкий чай быстро вернул ему бодрость. Взяв книгу и прихватив несколько бутербродов, чтобы не возвращаться до обеда, он отправился на прогулку. Найдя уединенную аллею между высокими вязами за городской чертой, он провел большую часть дня за изучением трудов Лапласа. На обратном пути он решил заглянуть к миссис Уитэм, чтобы поблагодарить ее за заботу.

Увидев его в окно, она вышла навстречу и пригласила войти. Внимательно взглядевшись в его лицо, хозяйка сокрушенно покачала головой:

– Нельзя же так изнурять себя, сэр. Сегодня вы бледнее обычного. Поздние часы и тяжелый труд еще никому не шли на пользу. Но скажите, как прошла ваша ночь? Надеюсь, всё было благополучно? Господи, как я была рада, когда миссис Демпстер утром сказала, что с вами всё в порядке и вы почивали сном праведника!

– О, со мной всё было прекрасно, – ответил он с улыбкой. – Ваши таинственные «нечто» пока обходят меня стороной. Разве что крысы – они устроили в доме настоящий цирк, уверяю вас. И среди них нашелся один старый злодей весьма неприятного вида: он преспокойно уселся в моем кресле у огня и не желал уходить, пока я не пригрозил ему кочергой. Тогда он взбежал по веревке колокола и скрылся где-то под потолком – в темноте я не разглядел.

– Силы небесные! – воскликнула миссис Уитэм. – Старый бес, да еще и в кресле у самого огня! Берегитесь, сэр, берегитесь! В каждой шутке таится доля правды.

– Как это прикажете понимать? Право, я вас не совсем улавливаю.

– Старый бес! А что, если это и впрямь был сам лукавый? Полноте, сэр, не смейтесь, – добавила она, видя, как Малкольмсон рассмеялся. – Молодежь всегда склонна насмехаться над тем, от чего у стариков мороз по коже. Ну да ничего. Дай вам Бог и дальше сохранять такое веселье. Я желаю вам этого от чистого сердца!

Добрая женщина просияла, на миг позабыв о своих опасениях и искренне радуясь его бодрому расположению духа.

– Ах, простите меня, – произнес спустя минуту Малкольмсон. – Не сочтите за грубость, просто сама мысль показалась мне донельзя забавной – что прошлой ночью в моем кресле восседал не кто иной, как сам дьявол!

При этой мысли он снова негромко рассмеялся, после чего откланялся и отправился домой обедать.

В тот вечер крысы зашуршали раньше обычного. Похоже, они возились в стенах еще до его прихода и лишь ненадолго затихли, пока его присутствие вновь не спугнуло их. Пообедав, Малкольмсон немного посидел у огня с трубкой, затем расчистил стол и, как и накануне, погрузился в работу. На этот раз грызуны мешали ему куда сильнее. Они носились вверх и вниз, под полом и над головой с неистовой силой. Они пищали, царапались и грызли дерево так яростно, что, казалось, стены дрожат. Осмелев, они подползали к самым выходам из своих нор, ко всем щелям и пазам в обшивке, так что их глаза вспыхивали в мерцании пламени, подобно крошечным лампочкам. Но теперь, привыкнув к их соседству, Малкольмсон не видел в этих огнях ничего зловещего; напротив, их суета даже развлекала его. Порой самые дерзкие из них выскакивали на середину комнаты или перебегали по деревянным наличникам. Если же они слишком уж отвлекали его, он стучал ладонью по столу или сердито шикал, и тогда вся стая мгновенно рассыпалась по своим убежищам.

Так миновала первая половина ночи. Невзирая на шум, Малкольмсон всё глубже погружался в работу.

Внезапно он замер, как и накануне, пораженный мгновенно воцарившимся безмолвием. Не слышно было ни шуршания, ни скрежета, ни писка. Тишина стояла могильная. Вспомнив странное происшествие прошлой ночи, юноша машинально взглянул на кресло у камина, и по его спине пробежал зловещий озноб.

Там, в большом старом кресле с высокой резной спинкой, вновь восседала та же исполинская крыса, неотрывно взирая на него своими дьявольскими глазами.

Повинуясь инстинкту, он схватил первое, что подвернулось под руку – логарифмические таблицы – и запустил в нее. Книга пролетела мимо, а крыса даже не шелохнулась. Пришлось снова прибегнуть к помощи кочерги, и вновь тварь, теснимая преследователем, метнулась вверх по веревке сигнального колокола. И на сей раз ее исчезновение тотчас отозвалось новым взрывом крысиной возни по всему дому. Малкольмсон опять не успел разглядеть, куда именно она скрылась: зеленый абажур оставлял верхнюю часть комнаты в тени, да и пламя в камине уже почти угасло.

Взглянув на часы, он увидел, что полночь уже близко. Ничуть не досадуя на вынужденную передышку, он подбросил дров в очаг и заварил чай. Труд был плодотворным, и он счел себя вправе выкурить сигарету. Устроившись в том самом резном кресле, Малкольмсон с удо-

вольствием затянулся. Во время этого отдыха ему пришла мысль, что неплохо бы выследить, куда исчезает крыса: на завтрашний день у него уже зрели планы, связанные с установкой крысоловки. Он зажег вторую лампу и поставил ее так, чтобы свет падал на правый угол стены у камина. Затем он собрал все книги, какие были под рукой, соорудив из них снаряды для метания в мерзкого зверя. Напоследок он поднял с пола конец веревки сигнального колокола и уложил его на стол, придавив лампой. Держа веревку в руках, он невольно отметил, какой гибкой она была – странно для вещи, которой, судя по виду, не пользовались десятилетиями. «На такой петле вполне можно было бы вздернуть человека», – мелькнуло у него в голове. Завершив приготовления, он огляделся и самодовольно произнес:

– Ну что ж, приятель, теперь-то мы с тобой познакомимся поближе.

Он вновь принялся за работу и, хотя поначалу крысиный топот немного отвлекал его, вскоре опять целиком погрузился в мир теорем и формул.

И снова внешний мир грубо ворвался в его сознание. На этот раз причиной была не только внезапная тишина: веревка чуть дернулась, и лампа на столе качнулась. Не меняя позы, Малкольмсон убедился, что груда книг находится под рукой, и проследил взглядом вдоль веревки. Громадная крыса медленно соскальзывала по ней вниз. Прыгнув в кресло, она уселась там, не сводя с него глаз. Он вскинул правую руку и, тщательно прицелившись, метнул книгу. Крыса ловко уклонилась. Тогда он схватил вторую, потом третью, швыряя их одну за другой, но тварь каждый раз оказывалась быстрее. Наконец, когда он уже замахнулся очередным томом, крыса тонко пискнула, и в этом звуке ему почудился испуг. Это лишь подзадорило студента; книга полетела с такой силой, что на этот раз удар пришелся точно в цель. Грызун издал пронзительный вопль и, оглянувшись на обидчика со взглядом, полным неистовой злобы, взбежал по спинке кресла. Одним мощным прыжком крыса достигла веревки и молнией понеслась по ней вверх. Лампа качнулась от резкого рывка, но устояла. Малкольмсон не сводил с беглянки глаз и при свете второй лампы ясно увидел, как та перескочила на деревянный выступ обшивки и юркнула в дыру в одном из старых полотен, висевших на стене и скрытых доселе толстым слоем пыли.

– Утром я непременно осмотрю жилище моего знакомого, – пробормотал студент, собирая разбросанные книги. – Третья картина от камина. Не забыть бы.

Он поднимал тома один за другим, невольно комментируя их достоинства:

– Конические сечения ее не проняли. И циклоидальные колебания тоже. Ни «Начала», ни кватернионы, ни термодинамика ей нипочем. А ну-ка посмотрим, какая же книга ее всё-таки задела?

Малкольмсон поднял последний том и взглянул на переплет. Лицо его внезапно побледнело. Он беспокойно огляделся и, содрогнувшись, прошептал:

– Библия, подарок матери... Какое странное совпадение.

Он снова сел за стол, и крысы за панелями возобновили свои игры. На сей раз их шум не раздражал его; напротив, в их присутствии ему виделось некое подобие товарищества. Однако сосредоточиться не удавалось. Тщетно пытаясь одолеть предмет, он в конце концов в отчаянии отложил книги и лег спать, когда в восточное окно уже начал просачиваться серый рассветный свет.

Спал он тяжело, мучимый тревожными снами. Когда поздним утром миссис Демпстер разбудила его, он выглядел изнуренным и не сразу понял, где находится. Его первая же просьба немало удивила служанку:

– Миссис Демпстер, когда я уйду, не будете ли вы так добры взять лестницу и обмести эти картины – особенно ту, что третья от камина. Я хочу разглядеть, что на них изображено.

Ближе к вечеру Малкольмсон снова занимался в тенистой аллее, и по мере того как солнце клонилось к закату, к нему возвращалась былая уверенность. Работа шла на лад; задачи, прежде казавшиеся неразрешимыми, щелкались одна за другой. В состоянии почти торжеству-

ющего спокойствия он зашел к миссис Уитэм в «Доброго путника». В уютной гостиной он застал незнакомца, которого хозяйка представила как доктора Торнхилла. Миссис Уитэм вела себя несколько скованно, а доктор сразу принялся засыпать юношу вопросами, и тот быстро смекнул, что эта встреча была подстроена. А потому, отбросив церемонии, он произнес:

– Доктор Торнхилл, я охотно отвечу на любой ваш вопрос, если сперва вы ответите на мой.

Доктор слегка удивился, но тут же улыбнулся:

– Справедливо. Что вы хотите знать?

– Это миссис Уитэм попросила вас прийти и дать мне совет?

Доктор на миг смутился, а миссис Уитэм вспыхнула и поспешно отвернулась. Однако доктор был человеком прямым и не стал юлить:

– Да, это так. Она не хотела, чтобы вы догадались о нашем заговоре, но, боюсь, моя профессиональная порывистость выдала нас. Ей очень не по душе мысль о вашем одиночестве в том доме, и она полагает, что вы пьете слишком много крепкого чая. Словом, она надеялась, что я уговорю вас отказаться от ночных бдений. В свое время я и сам был прилежным студентом и надеюсь, что как человек университетский могу дать вам этот совет без риска вас обидеть.

Малкольмсон с открытой улыбкой протянул ему руку.

– По рукам! – воскликнул он. – Я искренне благодарю вас обоих за участие. Обещаю в качестве ответной любезности не пить чая, пока вы не позволите, и сегодня лечь в постель не позднее часа ночи. Договорились?

– Превосходно, – ответил доктор. – А теперь расскажите нам во всех подробностях, что же вы заметили в том старом доме.

Малкольмсон обстоятельно изложил всё, что приключилось с ним за две последние ночи. Миссис Уитэм то и дело прерывала его испуганными восклицаниями, а когда речь зашла о Библии, она вскрикнула, и лишь порция бренди с водой помогла ей прийти в себя. Доктор слушал с нарастающей серьезностью и, когда рассказ был окончен, спросил:

– И крыса каждый раз убегала вверх именно по веревке сигнального колокола?

– Всегда.

– Полагаю, вы не знаете, что это за веревка? – после недолгой паузы медленно проговорил доктор.

– Нет.

– Это, – так же размеренно произнес Торнхилл, – та самая веревка, которую палач использовал для всех несчастных, ставших жертвами судебной ярости старого судьи!

Миссис Уитэм вновь вскрикнула, и мужчинам пришлось вторично приводить ее в чувство. Малкольмсон тем временем сверился с часами и, увидев, что час обеда уже близок, поспешил домой, не дожидаясь, пока хозяйка окончательно придет в себя.

Когда же миссис Уитэм восстановила силы, она почти набросилась на доктора с гневными упреками: зачем он наговорил бедному молодому джентльмену таких ужасов.

– У него и без того голова забита всякой всячиной, от которой можно лишиться рассудка! – воскликнула она.

Доктор возразил:

– Дорогая мадам, в моих словах был точный расчет. Я хотел во что бы то ни стало обратить его внимание на колокольную веревку и заставить его помнить о ней. Возможно, он изнурен и переутомлен занятиями, хотя должен признать, что внешне это один из самых здоровых молодых людей, каких мне доводилось встречать – и духом, и телом. И всё же эти крысы... и намеки на дьявола... – Доктор сокрушенно покачал головой и продолжил: – Я бы предложил составить ему компанию, но был уверен, что это лишь оскорбит его гордость. Ночью его может настигнуть внезапный испуг или болезненное наваждение; и если это случится, я хочу, чтобы

он немедленно дернул за веревку. В том доме он совершенно незащищен, а звон колокола послужит нам сигналом. Возможно, мы успеем прийти на помощь. Сегодня я намерен бодрствовать и держать ухо востро. Не пугайтесь, если Бенчерч до рассвета будет разбужен внезапным переполохом.

– Ах, доктор, на что вы намекаете? Что всё это значит?

– Лишь то, что, весьма вероятно – нет, почти наверняка, – этой ночью мы услышим голос большого колокола Дома судьи.

С этими словами доктор удалился, оставив по себе впечатление столь же гнетущее, как если бы он сам только что вынес смертный приговор.

Когда Малкольмсон вернулся к себе, было уже позднее обычного. Миссис Демпстер ушла: суровый устав фонда Гринхоу не терпел нарушений. Юноша был рад увидеть, что в комнате светло и чисто, в очаге весело потрескивает пламя, а фитиль лампы аккуратно подрезан. Вечер выдался холоднее, чем полагалось апрельской поре, а ветер крепчал столь стремительно, что ночь обещала перерасти в настоящую бурю. Первые минуты после его прихода крысы хранили молчание, но едва привыкнув к его присутствию, вновь принялись за свое. Малкольмсон был даже рад их слышать: этот шум вновь даровал ему странное чувство сопричастности. Он невольно поймал себя на мысли, что возня грызунов затихала лишь тогда, когда появлялась та, другая – исполинская крыса с губительным взглядом. Горела лишь лампа для чтения, и ее зеленый абажур погружал потолок и верхние углы зала во мрак; зато уютный свет камина разливался по полу, выхватывая из темноты белизну скатерти на краю стола. Малкольмсон с аппетитом поужинал, пребывая в самом бодром расположении духа. Покончив с едой и выкурив сигарету, он решительно сел за книги, пообещав себе не отвлекаться: он помнил слово, данное доктору, и хотел сполна использовать оставшееся до сна время.

Около часа работа спорилась; но затем мысли начали ускользать. Нельзя было отрицать власть обстановки, физической усталости и нервного напряжения. К этому времени порывы ветра превратились в неистовый ураган, а ураган – в свирепую бурю. Старый дом, при всей его незыблемости, казалось, содрогался до самого основания. Стихия ревела и бесновалась в лабиринте дымоходов и затейливых фронтонов, рождая в пустых коридорах дикие, почти человеческие стоны. Даже тяжелый колокол на крыше, должно быть, поддался напору ветра: веревка в углу то слегка приподнималась, то опускалась, словно массивный язык колокола едва заметно раскачивался. Ее гибкий конец с глухим, сухим стуком ударялся о дубовые доски пола.

Прислушиваясь к этому ритмичному звуку, Малкольмсон вспомнил слова Торнхилла: «Это та самая веревка, которую палач использовал для жертв судьи». Он подошел к камину и взял ее в руку, желая рассмотреть поближе. В этой вещи таилось нечто зловеще-притягательное. Держа веревку, юноша на миг задумался о несчастных осужденных и о том, почему судья пожелал, чтобы столь страшное напоминание всегда было у него перед глазами. Пока он размышлял, колокол на крыше продолжал свои едва заметные колебания, заставляя веревку подрагивать в его ладони. Но вскоре к этим движениям добавилось иное ощущение – едва уловимая вибрация, точно нечто живое и тяжелое ползло по ней сверху.

Малкольмсон инстинктивно поднял взгляд и увидел, что огромная крыса медленно спускается прямо к нему, не сводя с него своего тяжелого, немигающего взора. С приглушенным проклятием он отшатнулся, выронив веревку. Тварь мгновенно развернулась и скрылась во мраке под потолком. В ту же секунду крысиный шум за панелями, стихший было на мгновение, возобновился с прежней силой.

Это происшествие заставило его опомниться. Малкольмсон вспомнил, что так и не исследовал убежище крысы и не осмотрел полотна, как намеревался поутру. Он зажег вторую лампу, сняв с нее абажур, и, подняв ее над головой, приблизился к третьей картине справа от камина – той самой, за которую накануне юркнула бестия.

От первого же взгляда он отпрянул столь резко, что едва не выронил светильник. Смертельная бледность покрыла его лицо, колени предательски задрожали, а на лбу выступила холодная испарина. Его всего затрясло, точно в лихорадке. Однако, будучи молодым и отважным, он сумел обуздать ужас. Помешкав несколько секунд, он вновь шагнул вперед, поднял лампу выше и во всех подробностях рассмотрел очищенную от вековой пыли картину.

На холсте был изображен судья в мантии алого сукна, отороченной горностаем. Его лицо дышало силой и беспощадностью; в нем читались злоба, хитрость и мстительность. Чувственные губы, крючковатый нос, напоминающий клюв хищной птицы, и кожа трупного, землистого оттенка внушали отвращение. Но страшнее всего были глаза – они отличались необычайным блеском и выражали нечеловеческую жестокость. Вглядевшись в них, Малкольмсон похолодел: это были в точности те самые глаза, что смотрели на него из крысиной морды. Лампа в его руке дрогнула. Он заметил, как крыса с тем же пагубным взглядом выглядывает из прорехи в углу картины, и осознал, что прочие обитатели стен тут же смолкли. Преодолевая дурноту, он продолжил изучать полотно. Судья на картине сидел в точно таком же большом резном кресле, справа от массивного каменного камина, а в углу комнаты с потолка свисала веревка, кольцами лежавшая на полу. С чувством, граничащим с безумием, Малкольмсон узнал в изображении ту самую комнату, в которой находился сейчас. В священном ужасе он оглянулся через плечо, ожидая увидеть за спиной некое призрачное присутствие. Затем он вновь перевел взгляд в угол у камина – и с громким криком выронил лампу.

Там, в судейском кресле, на фоне свисающей веревки, восседала крыса с судейскими глазами – теперь они казались еще огромнее и горели подлинно сатанинским ухмылением. Если не считать завываний бури за толстыми стенами, в доме воцарилась абсолютная, звенящая тишина.

Грохот упавшей лампы вернул Малкольмсона к действительности. К счастью, резервуар был из металла, и масло не разлилось. Необходимость заняться делом на мгновение успокоила его нервы. Потушив фитиль, он вытер пот со лба и задумался.

– Так дело не пойдет, – прошептал он самому себе. – Еще немного, и я превращусь в безумца. Этому нужно положить конец. Я обещал доктору не пить чая... Черт возьми, а ведь он был прав! Мои нервы и впрямь расстроены. Забавно, что я не замечал этого раньше – ведь никогда прежде я не чувствовал себя столь бодрым. Впрочем, наваждение прошло, и более я не позволю себе быть таким дураком.

Он приготовил себе крепкую смесь из бренди с водой и решительно уселся за книги.

Почти через час он снова поднял голову, потревоженный внезапно наступившей тишиной. Снаружи ветер выл и неистовствовал еще яростнее прежнего; дождь сплошными потоками хлестал по окнам, барабанил в стекла, точно град. Но внутри не было слышно ничего, кроме отголосков ветра в огромной трубе да редкого шипения, когда в краткие миги затишья капли дождя всё же прорывались сквозь дымоход в очаг. Огонь в камине осел и больше не давал пламени, но еще пылал глубоким багровым жаром. Малкольмсон напряженно вслушивался и вскоре уловил тонкий, едва различимый писк. Он доносился из угла, где свисала веревка; сперва юноше показалось, что это волокна скрипят о пол, когда колокол наверху раскачивается от ветра. Однако, взглянув вверх, он увидел в тусклом свете, что огромная крыса висит на веревке и увлеченно грызет ее. Пенька была уже почти перекушена – обнажившиеся светлые волокна белели сквозь истертые пряди. Пока он наблюдал, дело было завершено: обрывок веревки со стуком упал на дубовые доски пола, а крыса на мгновение зависла на верхнем конце, точно меховая кисточка, после чего обрубок начал мерно раскачиваться из стороны в сторону.

На мгновение Малкольмсона пронзил новый страх: теперь он окончательно лишился возможности призвать помощь извне. Но тут же ужас уступил место слепой ярости. Схватив книгу, которую читал, он со всей силы запустил ею в грызуна. Бросок был точен, но прежде чем фолиант достиг цели, крыса соскочила вниз, мягко спружинила о пол и растворилась в

густых тенях комнаты. Малкольмсон осознал, что на сегодня с наукой покончено, и решил напоследок развлечь себя охотой на дерзкого зверя. Он снял с лампы зеленый абажур, чтобы свет залил всё пространство зала. Мрак под потолком мгновенно рассеялся, и в этом ярком потоке света, столь непривычном после долгого полумрака, картины на стенах выступили вперед пугающе отчетливо. Застыв на месте, Малкольмсон уставился на третье полотно справа от камина. Он протер глаза, не веря увиденному, – и в этот миг на него начал надвигаться подлинный, леденящий ужас.

В центре рамы зияло большое бесформенное пятно чистого бурого холста – столь свежего, будто его только что натянули на подрамник. Фон остался прежним – то же кресло, угол очага и веревка, – но фигура судьи бесследно исчезла.

Почти коченея от страха, Малкольмсон медленно, дюйм за дюймом, обернулся через плечо. Его затрясло так, словно тело разбил паралич. Силы покинули его; он был не способен ни к движению, ни к крику, едва ли даже к мысли. Он превратился в одно сплошное зрение и слух.

Там, в большом резном дубовом кресле с высокой спинкой, восседал сам судья – в алом сукне и горностаевой мантии. Его убийственно злые глаза были устремлены прямо на студента, а на жестком, непреклонном рту играла торжествующая улыбка. В руках он держал черную судейскую шапочку. Малкольмсон почувствовал, как кровь отливает от сердца – так бывает в минуты запредельного напряжения. В ушах стоял навязчивый звон. Сквозь рев бури до него, подхваченный ветром, донесся бой часов на городской площади – полночь. Некоторое время, показавшееся ему вечностью, юноша стоял неподвижно, как изваяние, с распахнутыми от ужаса глазами, не смея даже вздохнуть. И по мере того как часы отбивали удары, улыбка на лице судьи становилась всё шире; с последним, двенадцатым ударом он медленно водрузил на голову черную шапочку – символ смертного приговора.

Медленно, с нарочитой, пугающей размеренностью судья поднялся с кресла. Он поднял с пола обрывок веревки сигнального колокола, пропустил его сквозь пальцы, словно наслаждаясь фактурой, и принялся завязывать на одном конце узел, превращая его в петлю. Он затянул ее, проверил натяжение ногой, убедился в надежности и сделал скользящую удавку. Затем он начал обходить стол по противоположной от Малкольмсона стороне, не сводя с него гипнотического взгляда, пока не преградил путь к выходу. Только тут несчастный студент осознал, что загнан в ловушку. В глазах судьи таилась неведомая завораживающая сила, и юноша не мог отвести от них взора. Он видел, как старик приближается, по-прежнему оставаясь между ним и дверью, как вскидывает петлю и бросает ее, пытаясь захлестнуть шею жертвы. С колоссальным усилием Малкольмсон метнулся в сторону; веревка с глухим ударом упала на дубовый пол. Судья вновь занес удавку и вновь попытался накинуть ее, не сводя своего губительного взгляда с юноши. Снова и снова студент ценой невероятного напряжения едва успевал уклониться. Это повторялось много раз: судья не выказывал ни тени досады или спешки, он будто играл с ним, как сытая кошка с мышью.

Наконец, когда отчаяние достигло предела, Малкольмсон затравленно огляделся. Лампа, казалось, разгорелась ярче, освещая каждый угол. Из всех крысиных нор, из каждой щели и паза дубовой обшивки на него смотрели бесчисленные пары горящих глаз; и это, казалось бы, физически осязаемое присутствие живых существ принесло ему мимолетную искру надежды. Он поднял взгляд выше и увидел, что веревка сигнального колокола буквально облеплена крысами. Каждый ее дюйм был покрыт шевелящимися телами, а из круглого отверстия в потолке продолжали сыпаться всё новые и новые грызуны. Под их совокупной тяжестью тяжелый колокол на крыше начал раскачиваться.

Раздался первый звук – язык колокола едва коснулся края. Звон был слабым, но это было лишь начало: раскачивание неизбежно должно было усилиться.

При этом звуке судья, доселе не сводивший глаз с Малкольмсона, вскинул голову, и его лицо исказилось истинно дьявольской яростью. Глаза его вспыхнули, точно раскаленные угли, а когда он яростно топнул ногой, показалось, что содрогнулся весь дом. В тот же миг над самой крышей раскатился оглушительный гром. Судья вновь поднял петлю, в то время как крысы лихорадочно сновали по веревке, словно в попытке опередить время. На этот раз он не стал бросать удавку издали, а подошел к своей жертве вплотную, широко раскрывая кольцо веревки перед собой. Чем ближе он подступал, тем сильнее чувствовалось парализующее влияние самого его существа. Малкольмсон стоял неподвижно, словно труп. Он ощутил, как ледяные пальцы судьи коснулись его шеи, поправляя петлю. Веревка затянута – ту же, еще ту же. Затем старик, подхватив оцепенелого студента на руки, легко перенес его и поставил на то самое дубовое кресло. Встав рядом, судья вскинул руку и ухватился за конец раскачивающейся веревки сигнального колокола. Как только его рука взметнулась вверх, крысы с пронзительным писком бросились врассыпную и исчезли в потолочном отверстии. Взяв свободный конец удавки, уже сжимавшей шею Малкольмсона, судья намертво привязал его к колокольному канату – а затем, сойдя на пол, резким движением вышиб кресло из-под ног осужденного.

Когда над Бенчерчем запоздало зазвонил сигнальный колокол Дома судьи, горожане быстро собрались на тревожный зов. Повсюду замелькали факелы и фонари, и вскоре молчаливая, охваченная дурным предчувствием толпа уже спешила к воротам. Они долго и громко стучали, но ответа не последовало. Тогда дверь была взломана, и люди во главе с доктором Торнхиллом хлынули в большую столовую.

Там, на конце веревки большого сигнального колокола, мерно покачивалось тело студента. А на лице судьи, вновь занявшего свое место на картине, играла торжествующая, злобная улыбка.

Скво

В те времена Нюрнберг еще не был так заполнен толпами туристов, как в последующие годы. Генри Ирвинг еще не представил публике своего «Фауста», и само имя этого древнего города оставалось почти неизвестным широкой аудитории. Мы с женой проживали тогда вторую неделю нашего медового месяца и, как это часто случается с молодоженами, втайне мечтали, чтобы к нашему дуэту присоединился кто-нибудь третий. Поэтому, когда на франкфуртском вокзале возник жизнерадостный незнакомец по имени Элиас П. Хатчесон – выходец из городка Бладиинг-Галч, что в округе Мейпл-Три, штат Небраска, – мы не стали противиться судьбе. Он небрежно обронил, что вознамерился поглядеть на самый что ни на есть допотопный, древний, как Мафусаил, городишко во всей старой Европе, ибо, по его глубокому убеждению, слишком долгое одиночное путешествие способно довести деятельного и сообразительного гражданина прямиком до палаты для умалишенных. Мы уловили этот прозрачный намек и предложили ему объединить усилия.

Позже, делясь впечатлениями, мы с Амелией обнаружили, что каждый из нас собирался заговорить с известной долей робости, дабы не показаться навязчивым – подобная поспешность в поисках компании вряд ли сошла бы за комплимент нашему супружескому счастью. Однако весь эффект был испорчен тем, что мы начали говорить одновременно, в один голос осеклись и так же синхронно продолжили. Как бы то ни было, дело было сделано: Элиас П. Хатчесон стал нашим спутником.

Амелия и я тут же ощутили несомненную пользу от этого приобретения. Вместо того чтобы по малейшему поводу затевать размолвки, как мы делали до сих пор, мы обнаружили, что сдерживающее присутствие третьего лица заставляет нас лишь настойчивее искать случая обменяться нежностями в укромных уголках. С тех пор Амелия, опираясь на этот опыт, настоятельно советует всем подругам брать с собой в свадебное турне какого-нибудь приятеля.

Итак, мы втроем «осматривали» Нюрнберг, от души наслаждаясь меткими замечаниями нашего трансатлантического друга. С его причудливой речью и неисчерпаемым запасом историй о приключениях он казался персонажем, сошедшим со страниц авантюрного романа. Самую интригующую достопримечательность – Бург – мы решили оставить на десерт; и вот, в назначенный день, мы неспешно прогуливались вдоль внешней восточной стены.

Замок Бург высится на крутой скале, безраздельно господствуя над городом, а с севера его защищает ров невероятной глубины. Нюрнбергу несказанно повезло в том, что его никогда не брали приступом; не будь этого, он вряд ли сохранил бы свой нынешний цельный и нарядный облик. Ров уже многие столетия не использовался по прямому назначению, и теперь его дно превратилось в цветущий оазис с чайными садами и фруктовыми рощами, где встречались деревья весьма почтенного возраста.

Бродя вдоль парапета и лениво греясь в лучах жаркого июльского солнца, мы часто замирали, любуясь открывавшимися панорамами. Перед нами расстилалась бескрайняя равнина, усеянная городками и селениями, а на горизонте таяла синяя полоса холмов, напоминавшая пейзажи Клода Лоррена. Насмотревшись вдаль, мы с неизменным восхищением возвращались взором к самому городу – к его бесчисленным старинным фронтонам и красным черепичным кровлям, раскинувшимся на целые акры и усыпанным ярусами слуховых окон.

Чуть правее вздымались башни Бурга, а совсем рядом угрюмо высилась Башня Пыток – место, которое было и остается, пожалуй, самым притягательным во всем городе. На протяжении веков легенда о Нюрнбергской железной деде служила символом той ужасающей жестокости, на которую только способен человек; мы давно грезили увидеть этот механизм воочию, и вот наконец оказались у его порога.

Во время очередной остановки мы перегнулись через стену рва и заглянули в бездну. Сад внизу находился футах в шестидесяти от нас. Солнце заливало его неподвижным, нестерпимым зноем, превращая дно рва в раскаленное горнило. С противоположной стороны вздымалась серая, мрачная стена, казавшаяся бесконечной; она уходила вправо и влево, теряясь в углах бастионов. Прямо над ней зеленели кроны деревьев, а выше вновь громоздились старинные дома, на суровую красоту которых время наложило лишь печать благородства.

Солнце палило немилосердно, мы никуда не спешили и долго стояли, опершись на камни. Прямо под нами разыгрывалась идиллическая сценка: крупная черная кошка нежилась на солнце, а вокруг нее резвился крошечный черный котенок. Мать то лениво помахивала кончиком хвоста, поддразнивая малыша, то мягко отталкивала его лапами, поощряя к игре. Они расположились почти у самого подножия стены. Элиас П. Хатчесон, желая поучаствовать в их забаве, нагнулся и поднял с дорожки камешек средней величины.

– Смотрите, – произнес он, – я сейчас уроню его прямо рядом с котенком. Пускай гадают, откуда свалился этот подарок.

– Ах, будьте осторожнее, – взмолилась жена, – вы же можете попасть в это милое создание!

– Только не я, сударыня, – отозвался Элиас. – Да я в таких делах деликатнее майнской вишни. Честное слово. Я бы скорее согласился скальпировать младенца, чем обидеть эту кроху. Можете ставить на кон свои лучшие чулки! Вот увидите: я зашвырну его подальше в сторону, чтобы и близко не задело.

С этими словами он перегнулся через край, вытянул руку как можно дальше и разжал пальцы.

Быть может, вмешалась некая сила притяжения, влекущая малое к большому; а возможно, стена была не строго отвесной, а расширялась к основанию, чего мы не заметили сверху. Камень, прорезав раскаленный воздух, с тошнотворным глухим стуком опустился прямо на голову котенка, мгновенно раздробив ему череп. Черная кошка рывком вскинула голову. На миг ее глаза, полыхнувшие яростным зеленым пламенем, впились в лицо Элиаса П. Хатчесона. Затем она вновь склонилась над котенком. Тот лежал неподвижно, лишь лапки мелко и часто подергивались, а из зияющей раны по черной шерстке потекла тонкая алая струйка. С глухим, почти человеческим стоном кошка припала к малышу, облизывая его раны и жалобно подвывая. Вдруг она словно осознала, что жизнь ушла, и снова подняла на нас взгляд. Я никогда не забуду этого зрелища: это было само воплощение абсолютной ненависти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.